

18+

Ирина Бухарина

КОГДА КОНЧАЮТСЯ ПРАЗДНИКИ

ПОВЕСТЬ-ПАМЯТЬ

Ирина Бухарина

**Когда кончаются
праздники. Повесть-память**

«Издательские решения»

Бухарина И.

Когда кончаются праздники. Повесть-память / И. Бухарина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509161-1

События, о которых вы будете читать, кому-то покажутся узнаваемыми. Но в книге нет названия города, точной хронологии и дат, вымышлены имена и фамилии персонажей, кроме имен моих деда и бабушки. Действие происходит с конца 30-х до начала 70-х годов прошлого века. А рассказ ведут мальчик и девочка. Он — из прошлого, в будущем это папа девочки, живущей в том же городе 30 лет спустя. Они ходят по одним улицам, у них похожие привычки, у них один возраст, только время и разделяет, и объединяет их.

ISBN 978-5-00-509161-1

© Бухарина И.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
Глава 1. ПИВНУШКА	7
Глава 2. ЗАПАХИ ДЕТСТВА	11
Глава 3. ПОДМАСТЕРЬЕ	15
Глава 4. КРАСНЫЕ ВАЛЕНКИ	17
Глава 5. КАК ПОКУПАЛИ БАРАНА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Когда кончаются праздники

Повесть-память

Ирина Бухарина

*ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМ РОДИТЕЛЯМ АНАТОЛИЮ
ПЕТРОВИЧУ И ТАИСИИ СЕРГЕЕВНЕ КИСЕЛЁВЫМ*

© Ирина Бухарина, 2019

ISBN 978-5-0050-9161-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

События, о которых вы будете читать, кому-то покажутся узнаваемыми. Частично они, действительно, происходили на самом деле. И все же это не автобиография. Здесь нет названия города, точной хронологии и дат, вымышлены имена и фамилии персонажей, кроме имен моих деда и бабушки.

Действие происходит с конца 30-х до начала 70-х годов прошлого века. А рассказ ведут мальчик и девочка. Он – из прошлого, в будущем это папа девочки, живущей в том же городе 30 лет спустя. Они ходят по одним улицам, у них похожие привычки, у них один возраст, только время и разделяет, и объединяет их.

Автор

Глава 1. ПИВНУШКА

Дом, в котором я живу, знает, наверное, каждый житель нашего городка. Но совсем не потому, что он какой-то необычайно красивый или отличается чем-то особенным. Просто напротив него, через дорогу, стоит небольшая неказистая избушка, выкрашенная синей краской и имеющая славу любимейшего места отдыха городских пьяниц. Хотя заглянуть сюда после получки могут и серьезные отцы семейств, за что пивнушку по праву ненавидит местное женское население. Говорят, что в огромной луже, которая и летом, и зимой озером простирается от проезжей части до входа в заведение, однажды утонул какой-то пьянчуга. Не знаю, правда ли это, но то, что в луже почти каждый день лежат обессиленные мужские тела, выпавшие в теплые воды прямо из дверей забегаловки, я видел воочию прямо из окон нашего дома. Поэтому, когда надо кому-нибудь рассказать, где я живу, забегаловка служит главным ориентиром, и я смело говорю:

– Да там, напротив пивнушки, второй этаж.

И не было случая, чтоб люди переспрашивали, а где это.

Наблюдать за пьяными – одно из развлечений нашего семейства. Эта забава, для других семей горестная, для нас безобидна, потому что единственный взрослый мужчина в доме, отец – человек по всеобщему мнению непьющий, заходит в пивнушку только по праздникам или после бани, знает меру, в луже не валяется и, выпивши, руку ни на кого не поднимает, а, наоборот, становится добрым и веселым. Нам, ребятишкам, да и старенькой бабушке не грустно, а смешно смотреть, как растрепанные женщины выволакивают из дверей тяжелые, обездвиженные тела мужей, кто плача, кто матерясь от бессилия и злобы. Бывает, что вместе с мужьями загуляют и жены, тогда уж совсем не понятно, кто кого тащит через непросыхающую лужу. Маленькие сестренки не понимают, что происходит:

Бабушка, зачем такая большая тетенька все время дяденьку роняет и поднимает?

И бабушка начинает придумывать оправдание:

– Это мамочка больного сыночка домой ведет.

Эх, недалеко от истины старая женщина. Разве не больными становятся мужики, на своих ногах и в здравом уме входящие в пивнушку и выползающие из нее порою на четвереньках. А какие страшные драки не раз приходилось нам видеть из наших окон. Начинаются они в пивнушке с криков и ругани, слышных через дощатые стены даже на другой стороне улицы. Потом мутузящих друг друга мужиков выталкивают на крыльцо. Хорошо, если один падает в лужу и успокаивается. А если дерущихся несколько, и в ход пускаются ножи и колья, вырванные из соседнего забора, тут уж дело идет до крови. Досмотреть не удастся, бабушка оттаскивает нас подальше от окон, и мы, особенно мои сестры Галя, Фая и маленькая Людмилка, только с ужасом слышим крик, визг, тяжелые удары и милицейский свисток – это от перекрестка бежит милиционер, который и разгоняет обезумевшую от выпитого толпу.

Для мальчишек пивнушка – место запретное и манящее одновременно. Когда после бани, куда меня, как единственного большенького парня в семье, отец брал вместе с собой, мы заходим в пивнушку, сердце мое замирает от чувства приобщения к взрослой жизни. Папиросный дым, запах намокших от пива бочек, какой-то тяжелый мужской дух – все это, казалось бы, неприятное не смотря ни на что сливается для меня в далекий и притягательный образ взрослой жизни.

Отец берет себе огромную кружку пива, а мне покупает горсть леденцов, которые буфетчица выдавала в маленьком кулечке, свернутом из газеты. Мы садимся за стол, и пока он, постоянно вытирая усы, выпивает свою кружку, я не без удовольствия разглядываю свисающие с потолка липучки-мухоловки, на которых гроздьями висят еще живые копошащиеся мухи, читаю и удивляюсь, как здорово придумана надпись, на которую, по-моему кроме меня, никто

не обращает внимания, – от одного большого НЕ отходят сразу два слова поменьше – курить и сорить, что означало одновременно – не курит и не сорить. Но дым вокруг стоит коромыслом, да и мусора полным-полно.

Леденцы, и до того слипшиеся в один ком, тают в теплых руках и слипаются еще больше, так что каждый шарик приходится отдирать или отгрызать от других, но это приятно – рассматривать и выбирать, отгрызть ли сначала желтый, а потом зеленый леденец, а может прежде выбрать розовый. Липко во рту, липко пальцам, слипаются глаза после бани в парном тепле пивнушки, и все же приятно слышать гул мужских голосов, чувствовать рядом отца и знать, что через дорогу – дом с мамой, бабушкой, сестрами и крошечным братом, с теплой печкой, на которую можно забраться и спать, спать, спать...

Наш город совсем маленький. Его можно обойти пешком даже нам, мальчишкам. Это раньше мне казалось, что он большой. А однажды мы пошли на вокзал провожать тетю Шуру, уезжавшую куда-то к своему жениху. Шли с песнями под гармошку, на которой лихо наяривал отец. И дорога от нашего дома, а он стоит на самом краю города, в другой стороне от вокзала, показалась совсем не длинной.

В разных концах города расположено несколько кладбищ. Раньше они находились возле церквей, а сейчас церкви не действуют, на них нет крестов, а внутри где-то устроили склад, где-то гараж. Деревни, которые находятся за кладбищами, постепенно стали называть улицами. Теперь у них новые имена – Комсомольская, Первомайская, Советская. И все равно многие еще именуются по-старому – Мышино, Березово, Варакино.

Наш дом, хоть и стоит за кладбищем, это уже городская улица Коммунистическая. Но только кроме деревянных, одноэтажных домишек да огородов здесь ничего нет. Все, что нужно для жизни, – магазины, баня, почта, Дом культуры и школа – расположены в общем-то не далеко, но, чтобы добраться до них, надо перейти дорогу, миновать пивнушку с ее извечной лужей, пройти по деревянным тротуарам до калитки в заборе, прошагать напрямик, оглябая могилы, через кладбище, обойти церковь, а там уже и город.

В город без родителей мы не ходим. Если только кого-то из ребятшек посылают в магазин за хлебом. Тогда мы идем через кладбище целой ватагой. Так весело и не страшно. Поодиночке в город мы идем в обход, есть и такая дорога, но идти по ней очень долго. Вообще-то кладбище, про которое ходит много слухов, мы стараемся избегать. Но вот избежать походов в баню, которая находится как раз напротив кладбища, мне никак не удается.

К бане отец начинает готовиться загодя. Срезает березовый веник в рощице сзади дома, вымачивает его в кипятке, а потом проверяет гибкость веток прямо на своей руке – хлещет себя изо всех сил, оставляя на коже красный след. Все это каждый раз вызывает во мне законный ужас, поскольку я представляю, как этим веником он будет лупить меня в бане, как я буду вырываться и орать, а отец будет цепко держать меня одной рукой, а потом еще неожиданно обольет с головы холодной водой, приговаривая:

– С гуся вода, с мальчишки мово худоба.

Братик мой Женька еще маленький, сестры ходят в баню с матерью, поэтому процедура приготовления к парилке беспокоит только меня. Есть и вторая причина нелюбви к бане, которая состоит в том, что в баню мы ходим после обеда, а возвращаться приходится вечером в сумерках через кладбище. Отец мой человек строгий, за ручку меня никогда не держит, а, наоборот, посылает идти одного впереди. Идти первым между могилами в темноте страшно-вато, все кажется – маячит на пути что-то белое, а идти сзади еще страшней – вдруг схватит кто-нибудь, а отец и не услышит. В общем, кладбища я боюсь. Но после одного случая бояться перестал.

В тот раз все было как всегда. В бане я немножко поорал, пока отец хлестал меня веником, постонал из-за того, что мыло попало в глаза. Потом распаренного и завернутого в полотенце он выставил меня в предбанник, велел одеваться, а сам ушел в парилку. Я одевался,

посматривая на занавешенные шторами окна и пытаюсь угадать, очень ли темно на улице. И все же в душе теплилась небольшая радость – после бани отец обычно заходил в пивнушку, где покупал мне леденцы или пирожок с повидлом.

Иногда в бане работал буфет, тогда в пивнушку идти было незачем, пива можно было выпить прямо здесь. Сегодня был как раз такой день. Я видел, как буфетчик, здоровый, красный дядька, при помощи мужиков, претендующих на первые места в очереди, катил за прилавок большую пивную бочку.

Первые жаждущие уже сдували пену в кружках, когда наконец-то из парилки вышел отец.

– Ну чего ты так долго? Я пить хочу.

– погоди, щас быстро оденусь и тебе лимонаду куплю, там у меня Михалыч в очереди стоит.

Пока отец собирался, а потом стоял в очереди со своим знакомым, я совсем запарился и устал. Отец тоже вылез из толпы мужиков красный и взмыленный. В руках он держал две здоровые кружки пива.

– А где лимонад? – снова застонал я.

– Нету у них лимонада. Я специально два пива взял, чтоб ты попил немножко.

Он поставил кружки на подоконник и достал из кармана пакетик с леденцами. Это немного успокоило меня, но пить захотелось еще больше и я чуть-чуть отпил из кружки противного теплого пива, которое мне страшно не понравилось. Я подумал, что запах пива, пожалуй, лучше, чем его вкус. И как только мужики выпивают его по несколько кружек.

От пива на душе и в теле стало немного приятней. Я повеселел и стал терпеливо дожидаться отца, который одну привычную кружку влил в себя довольно быстро, а вторую, почти полную, пил неторопливо да так и оставил недопитой. Видно, пиво тоже ему не понравилось.

Мы вышли из бани, когда было совсем темно. Единственный фонарь освещал площадку у крыльца, а дальше, за дорогой, где начиналось кладбище, стояла крошечная темнота. Я, как всегда, шел впереди и после пива почти совсем не боялся. А отца с двух кружек немножко развезло и он шел сзади, слегка пошатываясь и сопя.

Я шел и вспоминал, какие истории мне доводилось слышать про кладбище. Кроме того, что покойники встают из могил и пытаются утащить с собой не званых ночных гостей, говорили, что на кладбище промышляют разбойники и по ночам грабят одиноких прохожих. Правда, многие истории на поверку оказывались не такими ужасными.

Как-то два подвыпивших мужичка шли поздним вечером из бани. Идут себе потихонечку, никого не трогают. И тут показалось одному, что на могиле впереди что-то белеет и даже слегка шевелится. Остановились они, приглядываются – что там такое может быть. Вроде все тихо. Стали понемножку продвигаться. Ничего. А белеет что-то – это они видят уже явственно. Может, собака забежала, думают. Стали тихонько покрикивать – эй, мол, кто там? Никто не отзывается. Идут они шаг за шагом, и когда уже почти прошли страшное место, один взял и кинул в могилу камнем. Стон, который они услышали, показался мужикам в тишине кладбища страшным ревом. Человеческая фигура в белом поднялась с могилки и пошла на них, раскинув руки.

Как они убежали от вурдалака, мужики не помнят. Говорят, что прибежали в пивнушку чуть живые и кое-как, протрезвав и заикаясь, рассказали, о пережитом. Целая толпа народу с кольями отправилась на кладбище искать вурдалака. Ох, беда! На самом краю, у калитки, увидели они мужичка в белом, бредет, мычит. Узнали сразу. Коля-дурачок. Видно, после бани уснул на могиле. А как камнем в него попали, проснулся и замычал с перепугу, говорить-то он не умеет. Смеху было.

Пока я так размышлял, пошел быстрее и вдруг понял, что шагов отца за собой не слышу. От неожиданности я замер. Тишина стояла такая, что я услышал собственное дыхание. Я стал осторожно оборачиваться и подумал, что отец меня просто пугает, а сам стоит рядом. Если он

сейчас в этой кладбищенской тишине просто скажет «ку-ку», сердце мое разорвется на части. Но сзади меня никого не было. Где отец? Может, покойник утащил его в могилу или схватили разбойники? Еще я вспомнил, что днем, когда мы шли в баню, где-то здесь рабочие копали новую яму. Может, отец провалился?

Я совсем растерялся, сделал в темноте несколько шагов в обратную сторону и вдруг грохнулся всем телом, не успев даже выставить руки, заметив только, что надо мной нависло что-то большое, наверно, покойник. Должно быть, я даже на мгновение потерял сознание от ужаса. Но вдруг услышал, что покойник ругается:

– Мать честная. Лешка, ты чего тут лежишь и молчишь?

Отцовские руки тормошили меня, поднимали с земли, отряхивали. И тут я заревел во весь голос.

– Ты где был? Я думал тебя покойники утащили.

– Какие покойники! Я закурить остановился, а ты убежал. Я за тобой и об тебя же споткнулся. Вот ведь грех. Повалился, всю руку ободрал. Покойники... Разве ж они из могил выходят? Пошли давай.

Я схватил отца за руку и не отпускал до самого дома. Шел и обиженно думал, что сейчас пожалуюсь маме, как он напился пива и бросил меня одного на кладбище.

Когда поднимались по нашей крутой лестнице, куда доставал свет из окошка, увидели, что оба мы грязные и встрепанные. Мать открыла дверь и ахнула:

– Я ж вам все чистое дала. Вы где это были?

Отец подмигнул мне и сказал:

– Да упали маленько.

Он засмеялся, и мне тоже стало смешно.

Глава 2. ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Говорят, что Москва стоит на семи холмах, а наш город стоит на семи кладбищах. Об этом не принято говорить, но папа рассказывал мне, что на тех местах, где раньше были кладбища, сейчас разбиты несколько городских парков. Мимо центрального парка я иду из своего дома к бабушке.

Когда мой папа был таким, как я, или даже немного младше, они с отцом ходили через этот парк, который тогда был кладбищем, в баню. Было это лет тридцать назад. Для истории, как нам говорили в школе, это довольно небольшой срок, а для меня так очень даже большой. Столько всего было за это время – была война, папа вырос и служил на флоте, потом встретил маму, родилась я, мы живем в хорошей квартире, только бабушкин дом, где прошло папино детство, все стоит. Он старый, но такой заметный – низ каменный, белый, а второй этаж деревянный, темный от времени.

От нашего дома к бабушке идти все прямо и прямо. Хорошо, что я не Красная шапочка и не встречу на пути никакого серого волка, потому что иду не по лесу и не по кладбищу, как в детстве бегал папа, и даже не по парку, а рядом с ним, потому что парк окружен высоким забором. Вход – с другой стороны по билетам. Билет в парк стоит пять копеек, просто так туда не попасть.

Вообще-то наш парк красивый, почти как лес, густой и тенистый. Высокие березы, огромные елки, много сирени. Она и сейчас кое-где переваливается через доски ограды. Жаль, что забор высокий и не достать хоть до одной фиолетовой грозди моих любимых цветов. Но запах стоит такой, какой я любила всегда с самого раннего детства – запах маминых духов.

Мне не разрешали их трогать, но когда мы шли куда-нибудь в гости, мама чуть-чуть капала духами и мне на волосы, от чего мои косички долго благоухали, а я гордилась, что пахну, как взрослая. Я так любила мамины духи, что однажды, когда болела, и ночью мама встала, чтобы поправить мне одеяло, я, сонная, не открывая глаз, только ощутив ее запах, пробормотала:

– Сама-то надушилась, а меня не душишь.

Дома все немного смеются над моим пристрастием к запахам. Когда мне, совсем маленькой, покупали новую обувь, я, прежде чем примерить сандалии или ботинки, долго и с удовольствием нюхала их. Мне нравился запах кожи, обувного клея, мягкой подкладки. А может быть, это просто был запах обновки. Со временем он улетучивался и, когда я уже носила обувь, я еще иногда прикладывалась к ней носом, но к моему сожалению она уже не пахла.

А еще, маленькая, я любила да и сейчас обожаю запах свежих досок, такой смолянистый и разный – чуть смолянистый хвойный, банный березовый. Раньше я любила зимой ходить с мамой в новую сарайку во дворе только потому, что там неповторимо и упоительно пахло замороженным деревом. Тогда я, честно говоря, не понимала, что это так вкусно пахнет, и только совсем недавно почувствовала, что так же пахнет деревянная дверь в подъезде нового дома. Странно, наверное, видеть почти взрослую девочку, обнюхивающую дверь в подъезде, но со мной это случилось.

Моя мама просто не выносит запах бензина, а мне он всегда очень даже нравился. К нам в гости с какого-то лесоучастка иногда приезжал дядя Коля. Он работал шофером и приезжал прямо на своем лесовозе. Он оставлял его возле нашего дома, и я залезала на подножку и гордилась, что эта большая, пропахшая бензином машина, главным украшением которой был огромный красный огнетушитель, почти что моя. Я была уверена и всем во дворе говорила, что мой дядя Коля ездит на пожарной машине.

Но больше всего на свете я любила запах книжного магазина. Магазин назывался очень красиво «салон» и находился прямо напротив моего детского сада. каждый день, прежде,

чем пойти на автобусную остановку, мы с мамой заходили в книжный салон. Это были лучшие минуты моей жизни. Мне казалось, что нет ничего прекрасней на свете, чем запах книг. А когда мама покупала мне новую книжку, запах будто оказывался у меня в руках. Мы скупчили, наверное, весь магазин, поэтому долго выбирали, чтобы найти новую книжку. Дома их было очень много – маленькие, поменьше тетрадки, большие, с яркими картинками, раскладушки, раскраски... Они стоили пять или десять копеек. Какое счастье – их можно было покупать почти каждый день. А потом, выйдя из магазина, идти домой, держать в руках новую книжку, слышать ее запах и мечтать, как сначала ее прочитают вслух родители, а потом я сама буду «до дыр» зачитывать ее, пока не выучу наизусть. Так было очень долго, пока книги почему-то перестали пахнуть. Теперь, когда у меня в руках новая книга, я просто радуюсь, как будто в жизни случилось что-то хорошее и бывает это очень часто.

А вот запах тротуаров, по которым я иду к бабушке, я чувствую и сейчас. Наверное, ни в одном городе уже нет таких деревянных тротуаров. А у нас вот они. Причем, эти сделаны совсем недавно. Улочка сзади парка, где всего один ряд деревянных домов, очень грязная, но класть асфальт, как говорит папа, здесь не выгодно, потому что эти дома, так же как и бабушкин, скоро снесут, так что выручают горожан только тротуары.

Честно говоря, деревянных дорожек еще полно в нашем городе. Мне даже нравится ходить по ним. Старые доски трескаются, западают, кое-где торчат гвозди, и порой необходимо особое умение, для того чтобы благополучно пройти по грязной улице и не провалиться ногой в лужу или не облиться мутной водой, брызнувшей из-под прогнившей доски.

Я дохожу до пивнушки. Даже проходить мимо мне неприятно. Возле пивнушки, которая похожа на небольшой сарай, выкрашенный синей краской, вечно толкуются полупьяные мужики. В синий цвет эту забегаловку, как рассказывал папа, красили и в его детстве. Мы с бабушкой несколько раз заходили в пивнушку за пирожками, там всегда душно и пахнет чем-то застоявшимся. Окна постоянно плотно закрыты, внутри двойных рам они серые от пыли, поэтому здесь темно и круглый день горит тусклая лампочка без плафона. Она свисает с потолка жалкая и грязная, каким кажется все вокруг.

Я сразу вспоминаю наш оранжевый абажур, от которого в комнате бывает так светло и нарядно. Сейчас абажуры уже не в моде, в квартирах появились разные люстры с несколькими рожками. Люстры отсвечивают стеклом и металлом, но не дают того уюта и тепла, который появляется в комнате, когда горит лампочка под абажуром. Когда мы с мамой вечером шли из детского сада, я рассматривала окна и удивлялась, почему свет в них такой разный – чаще всего желтый, а где-то розовый, а еще иногда зеленый или синий. Мама объясняла, что просто в комнатах висят абажуры разных цветов. Я, конечно, больше всего мечтала о розовом, но у нас был тоже красивый, но оранжевый.

Когда купили люстру, я выпросила абажур поиграть. Он был немножко пыльным, но ткань оказалась шелковой, по краю отороченной бахромой из скрученных ниток. Основу конструкции составлял проволочный каркас. Я пыталась пристроить эту штуку на голову в качестве шляпки. Это было здорово, но для головы великовато. Поскольку в верхней части абажура была дырка для лампочки, я просила родителей ее расширить, чтобы получилась пышная юбка. Но они убедили меня, что это невозможно. Тогда я сама приладила к абажуру какую-то палку и ходила с ним по квартире, изображая даму с зонтиком.

Старый абажур валялся где-то в сарайке, и я подумала, может, принести его сюда, в пивнушку, пусть повесят, чтобы хоть как-то украсить эту развалюшку, пока она еще цела. Почти вплотную к забегаловке уже работает новый кинотеатр. И эти два сооружения рядом совсем не смотрятся.

И все же мне жалко пивнушку. Потому что здесь, кроме пива, продают самые вкусные в мире пирожки с повидлом. Не знаю уж, откуда они тут берутся, вроде бы и кухни с плитой здесь нет, но каждый раз, когда мы с классом идем в кино, прежде чем зайти в буфет киноте-

атра, мы заходим сюда и всегда на витрине за стеклом – наши любимые пирожки. Хороши они как раз своей начинкой, не сливовой или яблочной размазней, а приятной розоватой массой с настоящими кисленькими ягодками клюквы. Эти пирожки любят все мои подруги. Кажется, больше нигде и никогда я не пробовала ничего подобного.

Дом моей бабушки доживает последние дни. Скоро его снесут. Через дорогу уже построен и работает кинотеатр, а совсем рядом, на месте нашего огорода, навалены кучи земли и идет подготовка к новой стройке. Бабушка с тетей Фаей готовятся к переезду.

Бабушка, Наталья Архиповна, папина мама, никогда не училась в школе. Она едва умеет писать. Ее письма, если куда уезжает, мы разбираем всей семьей. Но речь ее мне очень нравится, и я с удовольствием повторяю за ней ее словечки – надясь, аккурат, комнату, – что вызывает бурный протест моей мамы.

Я часто прихожу сюда в гости. Мне кажется, что в нашем небольшом городе этот дом единственный и неповторимый, черно-белый. Давным-давно, еще до войны, когда мой дед Петр Андрианович привез семью из деревни в город, он купил у хозяев каменного дома чердак и перестроил его в квартиру из двух комнат и кухни-передней. Комнату побольше бабушка называет залой, другая именуется комнатью.

– Чего ушла в комнату, иди в залу, – кричит мне бабушка, сидя за швейной машинкой.

– Мама сказала, что надо говорить не комната, а комната, – воспитываю я бабушку. Бабушка улыбается, замечания она принимает спокойно:

– Дак ты уж мне давеча говорила. А по мне что комната, что комната.

В квартире отдельный вход – своя калитка в заборе и прямо от нее крутая деревянная лестница на второй этаж. Придуманно здорово, ничего не скажешь. Дед выделил для своей семьи отдельную территорию, избавил ее от совместных с соседями сеней, коридоров и кухонь, соседских скандалов из-за мест общего пользования. Даже свой туалет соорудил на втором этаже без всякой канализации, выделил маленькую каморку с дыркой в полу, куда зайти можно через сени, не выходя из квартиры. Содержимое деревянного короба внизу время от времени вывозили.

Признаюсь, что крутая, узкая лестница, ведущая на второй этаж прямо со двора, меня немножко пугает. Ходить по ней мне страшно. Нужно обязательно держаться за перила, а они высокие и гладкие, отполированные руками. Спускаться по лестнице еще страшнее, чем подниматься, потому что видно, как далеко придется падать, если оступишься. И когда я выхожу из дома, всегда некоторое время стою на верхней площадке, как бы принаравливаясь, чтобы благополучно сойти вниз. Лестница мне даже иногда снится. Будто я подхожу к дому, смотрю, а ступеньки переломаны или, еще хуже, весь лестничный пролет рухнул, и подняться в квартиру нет никакой возможности. Во сне меня охватывает ужас, я страшно переживаю, где же теперь все будут жить. Причем вокруг никого нет, про упавшую лестницу знаю только я одна, так что паникую до тех пор, пока не просыпаюсь.

Вообще удивительно, что наяву перспектива поломки лестницы меня никогда не пугала. Я не помню, чтобы ступеньки шатались, скрипели и вызвали опасение в прочности. То ли дед, которого давно уже не было на свете, был таким хорошим мастером и соорудил для своей большой семьи конструкцию на века, то ли все же за ее крепостью кто-то следил и вовремя ремонтировал, поэтому и была она крепкой и незыблемой, как и весь бабушкин дом.

Колокольчик – еще одна наша достопримечательность. Крыльцо второго этажа отделяю от самой квартиры большие сени, даже, можно сказать, большой коридор с дверями в чулан и в туалет. Если внешнюю дверь запирали, что было крайне редко, стук пришедших гостей в комнаты не было слышно. Когда строили дом, электрический звонок в нашем провинциальном городке, практически деревне, был невозможной роскошью. Поэтому для гостей был подвешен специальный колокольчик. Действовал он очень просто – у порога над входом висит веревочка, которая, проходя через сени, соединена с колокольчиком, висящим в кухне-прихо-

жей. Расстояние от веревочки до колокольчика довольно большое, поэтому дергать надо сильно и несколько раз. И все равно слышно еле-еле. Да и дверь-то всегда почти открыта, так что дергали за шнурок только незнакомые люди, если, конечно, его замечали. Зато в доме знали, если брякает колокольчик, значит у порога кто-то чужой.

Колокольчик больше всего интересен детям, но долгое время я и мои двоюродные братья как ни прыгали на крыльце, просто-напросто не доставали до шнурка, роста не хватало. Зато теперь, когда я подросла, приходя к бабушке, стараюсь известить о себе звоном колокольчика, только он уже такой слабый, что его почти никто не слышит.

Глава 3. ПОДМАСТЕРЬЕ

Запах новой кожи приятен и неприятен мне одновременно. Вообще-то мне нравится, как пахнут новые сапоги, которые мой отец шьет на заказ. В чулане, скорее похожем на небольшую комнатку, только без печки, он устроил себе настоящую сапожную мастерскую. Здесь много всяких приспособлений, которыми он орудует, сидя на маленькой скамеечке под небольшим окошком.

Больше всего мне нравится железная лапка – полуметровый штырь, похожий на гусиную лапу, только очень длинную. Отец ставит ее черенком на пол, зажимает коленями, а на плоскую лапу натягивает обувь подошвой вверх. Потом он шилом делает дырочки и прошивает сапог или другую обувь толстой ниткой.

Принцип изготовления и ремонта обуви мне уже понятен. И, может быть, он был бы мне даже интересен, если бы отец не заставлял меня сидеть с ним рядом и учиться его мастерству.

– Я же еще маленький, – уговариваю я отца не неволить меня.

– А когда же еще учиться? Учись, пока маленький. А будешь большой, сам начнешь сапоги шить.

– Чего робятенка мучаешь? – застывает за меня заглянувшая в чулан бабушка.

– Ничо, скоро вместе будем работать, – смеется отец.

Долго он меня не задерживает, но даже за то короткое время, которое я почти каждый день провожу в отцовской мастерской, я кое-чему научился. Правда, сам я пока сапоги не сошью – очень уж нелегкой оказалась эта работа. Проткнуть шилом кожу не так-то просто, да и лапка на деле довольно тяжелая, мне и руками ее трудно удерживать, не то что коленями. Зато я уже сейчас знаю, как правильно прибить набойки на каблуки или подковку на носок. Эта работа мне по силам, тем более, что маленькие гвоздики для обуви такие приятные, маслянистые и так вкусно пахнут железом.

Когда за сапогами приходит заказчик, отец, демонстрируя готовую обувь, говорит:

– Вот, с подмастерьем работали, – и показывает на меня.

Я волнуюсь, когда заказчик разглядывает сапоги, особенно когда смотрит подметку и прибитую на носок подковку. Мне кажется, что сейчас он найдет изъяны в моей работе и вернет сапоги отцу. Но такое никогда не случалось. Заказчик обычно хвалит сапоги, отца и меня тоже. А когда отец получает за работу деньги, он дает мне несколько копеек, которые мы с приятелем Генкой тут же тратим в пивнушке на леденцы.

Иногда отец берет меня с собой в магазин, где покупает то, что нужно в работе: дратву, гвоздики, гуталин. Идти надо далеко, до самого конца нашей улицы, там, возле базарной площади, два кирпичных дома. В одном из них почти что в подвале, окна которого едва выступают над землей, находится магазин или скобяная лавка, как говорит отец. Продают здесь всякую всячину – железные рукомойники, ковши, скобы, мочало и даже керосин, за которым горожане приходят с бидонами разной величины. Керосин разливают во дворе, позади магазина, и продавец, заставляя ждать очередь, все время убегает.

Мы покупаем керосин на базаре и только летом, когда печку топить не надо. А обычно мама и бабушка готовят еду в печке. Лишь в самую жару в доме разжигают керогаз. Я всегда кручусь рядом. Мне интересно смотреть, как женщины возятся с керогазом, подкручивают фитиль, выравнивают горелку, волнуются, что будет копать. И вот голубое пламя, совсем не такое, как огонь в печке, уже освещает полутемную кухню. И я с удовольствием рассматриваю синий огонек горелки, и меня снова и снова удивляет, как это жидкость может гореть.

В лавке мне нравится, и я представляю себя продавцом, стоящим за прилавком в рабочем фартуке и с нарукавниками на резиночках. Я ловко разливаю керосин по бидонам, пересыпаю маслянистые гвозди, выдаю покупателям всякие железки. Единственное, что мне здесь

не нравится, это окна, через которые едва проступает свет и видны только ноги проходящих по улице людей.

Смотреть на ноги тоже интересно, что я и делаю, пока отец выбирает товар. Вот тяжелой походкой прошагали ботинки на грубой подошве со стоптанными пятками. Наверное, толстый дядька идет по делам. А это мама с дочкой – туфли на высоких каблуках побольше и маленькие красные с бантиками. А вон старушка с палочкой в каких-то калошах. Занятно так угадывать людей и все же лучше смотреть на них в полный рост, видеть не только ноги, но и руки и главное головы и лица.

Когда мы выходим из лавки, я спрашиваю отца:

– А почему окошки так низко, ничего не видно?

– Провалились, наверно, – то ли в шутку, то ли всерьез отвечает отец.

– Пап, ну правда?

– Да кто его знает...

Я иду и радуюсь, что мы живем на втором этаже и, что если наш дом провалится, наши окна все равно будут высоко и в них будут видны не только ноги.

– А наш дом не провалится? – на всякий случай спрашиваю я.

– Чего ерунду болтаешь? Чего это он провалится? Давай лучше думать, сапоги или ботинки тебе шить будем, осень скоро.

Все, что для себя, мы делаем с отцом вместе, тут он доверяет мне больше. Я скручиваю нитки, вдеваю их в толстые сапожные иглы, пока отец протыкает дырки, подбираю кусочки кожи по цвету. Но главное, чему я научился у отца – подшивать валенки.

Валенки для всей семьи он заказывал знакомым, которые жили за рекой в слободке. Их приносили сразу по несколько пар, кому какие подойдут. К валенкам все относились по-разному. Бабушка, меряя, все приговаривала – ой, какие мягоньки. Мама, когда меряли мы с сестрами, щупала носок и проверяла осталось ли место на вырост.

Лично я не люблю неподшитые валенки. Мне кажется, что ступни у них плоские, а пятка стучит по земле. Я сразу прошу отца валенки мне подшить. Тем, кто младше меня, просить не нужно, им и так обычно достаются подшитые валенки, из которых я уже вырос, если они еще совсем не развалились. Вообще-то, если валенки прохудятся, мы с отцом подшиваем их снова, и они становятся, словно новенькие.

На подшивку идут голенища уже истоптанных валенок. Сначала мы внимательно осматриваем, какой валенок еще терпит, а какой пойдет на подшивку. Потом подбираем выкройку подошвы. Того, кому подшиваем валенки, отец просит разуться и обводит ступню карандашом на газете. Маленьким интересно и все начинают просить нарисовать их ножки. Свою ступню из газеты каждый пытается вырезать сам, кроме, конечно, самого маленького братика Жени, у него и валенок-то еще нет. Ножницы большие, у младшей Людмилки не получается, отец помогает. А потом все меряют, чья нога и на сколько больше. Родители смеются. Они вообще любят посмеяться над нами.

Старый валенок отец разрезает на части, из нижней, протертой, он сделает чуни, чтобы ходить дома, а голенище идет на подошвы для подшивки. Иногда, если валенки тонкие, он сшивает обе подошвы в одну толстую ступню, которую потом пришивает к новому валенку специальным швом. Когда валенок уже готов, он показывает нам, как красиво и аккуратно выглядит шов на подошве и какими удобными и теплыми становятся новые или старые подшитые валенки.

Я еще не знаю, что умение подшивать валенки и ремонтировать другую обувь через несколько лет очень мне пригодится, и я буду делать это постоянно, когда отца уже не будет с нами.

Глава 4. КРАСНЫЕ ВАЛЕНКИ

Когда я была маленькой, и мы еще жили в бабушкином доме, мама где-то купила мне красные валенки. У всех детей валенки были черные, и я очень гордилась тем, что мои катанки самые красивые и ни у кого таких нет.

Вообще мама всегда добывала мне вещи не такие, как у всех. Например, зимние шапки в те годы и мальчишки и девчонки носили одинаковые – меховые, круглые с завязочками. Ох уж эти завязочки... Самой соорудить бантик из тонких коротких веревочек мне еще как-то удавалось, а вот развязать его благополучно доводилось далеко не всегда. Потянешь завязку, и вместо бантика на шее получается прочный узел, справиться с которым самой не было никакой возможности. И даже родители и воспитатели в детском саду делали это с трудом, частенько не руками, а зубами. Смешная картинка, когда взрослый грызет там чего-то на шее у ребенка. А бедные воспитатели после прогулки развязывали таким макаром целую кучу узлов.

Впрочем даже эти ужасные завязки были делом привычным. А вот то, что детские шапки были практически одинаковыми не только по форме, но и по цвету – черные, темно-коричневые или уныло-серые, удручало нас с мамой больше всего. Ей хотелось одеть ребенка понарядней, а мне, как всякой девчонке, хотелось быть покрасивей. В общем, не знаю где, но мама купила мне такую же, как у всех шапку, только ярко-желтого цвета.

Такой же ярко-желтой была и моя шерстяная кофта. Вернее сначала она была обычной, невзрачной бело-серой кофточкой, какие тоже носили все девчонки. Но мама умудрилась покрасить ее, кажется, фурацилином, и я стала похожа на маленького желтого цыпленка. Мне нравилось. Во всяком случае такой кофты ни у кого не было. А, может, и шапку она каким-то образом сумела покрасить...

В бабушкином доме раньше всегда было многолюдно. Кроме нас здесь жила папина сестра тетя Фая с мужем и сыном Пашкой. Пашка на год моложе меня. Когда нас одевали и выводили на улицу, мы были похожи, как близнецы – серые шубейки, подпоясанные ремешками, круглые темные шапки, желтая появилась позже, шарфы, завязанные на шее сзади и только красные валенки были признаком моей девчачьей принадлежности.

Еще в квартире жила тетя Шура – бабушкина сестра и ее дочка Валя, уже взрослая девушка. Где мы там все размещались, я не знаю. Помню только, что в маленькой комнате над кроватью было устроено еще одно ложе – деревянные полати, сейчас сказали бы, что это была двухъярусная кровать. Теперь-то я вижу, что потолок в комнате довольно низкий и, наверное, взрослые, как в купе поезда, упирались в полати головой, даже когда сидели. Но нам с Пашкой казалось, что находятся они очень высоко, и мы то и дело просили, чтобы кто-то из родителей закинул нас наверх. Смотреть оттуда вниз было и страшно и весело.

Потом Пашка с родителями получили квартиру и переехали куда-то за вокзал на лесозавод. Все так и говорили – они живут на лесозаводе. Теперь Пашка приходил к нам в гости по выходным и праздникам. Взрослые устраивали застолье в большой комнате, а нас оставляли одних играть. Мы строили башни из деревянных кубиков. Вернее строила я, а Пашка тут же со смехом сбивал их, что было обидно. Играть в машинки мне не интересно, а в дочки-матери Пашка играть не хотел. Тогда я шла к маме и приставала к ней обычно с одним и тем же вопросом – ну, мама, мне скучно, что бы мне поделать?

Когда мама была свободна или занималась домашними делами, она развлекала меня историями из своего детства, рассказывала какие-нибудь интересные вещи о том, как жила в деревне, бегала по полям и лесам, как во время войны собирала колоски в поле, как пекли хлеб из черной муки с лебедой, и хлеб этот был вкуснее всего на свете. Я часто просила маму:

– Испеки мне хлеб из лебеды.

– Я не умею печь хлеб, – говорила мама.

– Ну хотя бы лепешки. Они же такие вкусные.

– Да разве могут быть вкусными лепешки из травы?

– А ты же сама говорила, что вкуснее ничего не ела.

– Во-первых, была война и другого хлеба не было, поэтому любой хлеб казался вкусным. А во-вторых, я ела хлеб и запивала его молоком. Если будешь с молоком, я тебе испеку.

Но поскольку молоко с противными желтыми пенками я не пила категорически, меня от него просто тошнило, то и разговор на этом прекращался.

Хотя периодически о хлебе из лебеды я вспоминала снова. Я читала сказку, в которой Иванушка уходил из дому искать лучшую долю, и мать давала ему в дорогу лепешки из лебеды, которые он с удовольствием съедал по дороге и еще друзей угощал. Было значит что-то в этих лепешках, если даже в сказке про них написали, думала я.

Почему-то трава-лебедя странным образом будила мое воображение. То ли мамины рассказы, то ли слово такое красивое, похожее на птицу-лебедь, так меня поразили, что я узнала у взрослых, как выглядит эта самая лебедя, и где-нибудь на задворках присматривалась к сорнякам, разглядывая волнистые листочки, ощупывая их влажную изнанку, которая казалась мне красивой, потому что была слегка серебристой, вдыхала травяной запах и даже немножко пробовала лебеду на вкус, в общем-то не находя в ней ничего особенного.

Однажды мама рассказала мне, как в детстве они с сестрой любили пускать мыльные пузыри. Когда мамин папа вернулся с войны, он привез с собой хозяйственное мыло. Несколько больших кусков мыла всех очень обрадовали, потому что в войну в деревне мыла не было.

– Грязь в бане горячей водой отпаривали, – говорила мама, – а стирали золой.

– Ну мыться-то без мыла еще как-то можно, – думала я, – а вот стирать золой? Она ведь и так черная.

– Замачивали в золе, терли, а потом на реке вальком били, вот белье и становилось чистым. Вообще-то я точно не знаю, просто видела, как бабушка делала, – рассказывала мама.

Мне не очень верилось. Я думала, что мама была маленькой и чего-то не понимала. И очень мне хотелось попробовать стирать золой. Несколько раз я примеривалась, как бы наскрести золы из бабушкиной печки. Однажды уж и бельишко кукольное постирать пригодило. Полезла было в печку, а тут бабушка:

– Ты чего это делаешь?

– Да золы, – говорю, – хочу набрать, постирать надо.

Бабушка давай смеяться:

– Это кто ж тебя научил? Разве золой стирают?

– Разве ты не знаешь, конечно, стирают. Мама говорила, что в войну все золой стирали.

– Так ведь сейчас не война, сейчас мыло есть.

– Мыло же покупать надо, – разумно, на мой взгляд, возразила я, – а золы вон сколько. Бабушка, мама сказала, что зола очень хорошо отстирывает. Давай попробуем.

– Ну мать у тебя болтушка. Не знай чему ребенка учит. Она тебе сказала, что белье чистое становится? А руки знаешь какие после такой стирки?

– Черные, да?

– Да не черные, а красные от кровавых цыпок. Ты смотри мыло какое гладкое и то, если потрешь подольше, мозоли на руках останутся. А ты шершавой золой потри, что с руками-то будет. Поняла? Не от хорошей жизни ведь золой-то стирали. – Так сказала мне бабушка.

Посмотрела я на свои руки, представила, какие могут быть на них кровавые цыпки, и пошла поскорее от печки подальше.

Про стирку золой больше не думала, а вот про мыльные пузыри не забыла. Когда мамин папа с войны мыло привез, ее мама так радовалась, что даже научила дочек пускать мыльные пузыри. Это было очень здорово и красиво, радовалась вся семья. Все были счастливы – война

кончилась, папа вернулся, на дворе весна, одуванчики цветут и летят, переливаются на солнце большие мыльные пузыри... Я как представила эту картину, так дух захватило, и я стала просить маму научить меня пускать мыльные пузыри. Маме было некогда, она пообещала, что потом обязательно покажет мне, как это делать. Но я подробно расспросила ее, что и зачем для этого надо.

Про мыльные пузыри я вспомнила, когда у нас снова собрались гости, и нам с Пашкой было нечего делать. Я говорю:

- А давай пускать мыльные пузыри.
- Давай, – радостно согласился Пашка, – только я не умею.
- Зато я умею, меня мама научила.
- Первым делом я пошла к бабушке.
- Бабушка, а у нас есть хозяйственное мыло?
- А зачем тебе? Опять стирать собралась?
- Нет. Мы с Пашкой мыльные пузыри пускать будем.

Бабушка немного задумалась, потом, видно, решила, что ничего опасного в этом нет, и сказала:

- Возьми там кусок на умывальнике за печкой.

Умывальник стоял в самом дальнем и темном углу. Можно было включить свет, но до выключателя мы не доставали. Наощупь пробрались к умывальнику и стали в темноте искать мыло. Умывались мы обычно с розовым земляничным, а мама говорила про хозяйственное. Я видела – оно такое некрасивое, большое и коричневое. Ничего похожего мы не обнаружили. Пришлось снова идти к бабушке.

- Бабушка, там нет хозяйственного мыла.
- Да что ж ты пристала ко мне с этим мылом, – заворчала бабушка.
- Да я же говорю – мыльные пузыри.
- Ну возьми, какое есть мыло.
- А из него получится?
- Еще красивше будет, – засмеялась бабушка.

Насчет красивше она очень меня вдохновила. Я тут же представила себе огромные розовые пузыри, летающие по комнате.

Мы снова пошли к умывальнику, взяли мыло, прихватили на кухне блюдце с водой, принесли все это в маленькую комнату и установили на табуретку. Почему-то мыло в блюдце никак не таяло. Мы решили, что воды маловато, и притащили в комнату чайник, чтобы подливать понемножку. Чайник оказался довольно тяжелым и, пока мы подливали воду, налили на пол небольшую лужу.

- Понимаешь, надо, чтобы мыло растворилось, – учила я Пашку.
- А давай его ложкой помешаем, – сообразил он и побежал в кухню за ложкой.

Двумя большими ложками мы попытались размешать мыло в блюдце, но вода только выливалась, а мыло все не таяло, лежало розовым куском посередине, а один раз даже выскочило и улетело куда-то под кровать, так что доставать его пришлось ползком. Пыль прилипла к мылу и оно из розового стало каким-то серым.

– Ничего не выйдет, блюдце очень маленькое, давай возьмем чего-нибудь побольше, заодно и мыло помоем, – решила я.

Мы снова пошли на кухню и нашли там небольшой тазик. Вылили в него весь чайник, увеличив лужу на полу. Мешать в тазике воду стало удобней, и скоро вода в нем стала мутной.

- Наверное, пора начинать. Ты еще помешай, а я поищу какую-нибудь трубочку.

Я пошла в большую комнату. Гости уже наугощались и пели песни под папин баян. Я подошла к маме и спросила:

- Мама, а какой трубочкой вы пускали мыльные пузыри?

– Соломинкой пускали или катушкой из-под ниток.

Я встрепелась – катушку из-под ниток мы точно сейчас найдем. В маленькой комнате стоит бабушкина швейная машинка и там в небольшом ящичке есть много катушек с нитками. Мы открыли машинку, нашли коробку с нитками, но пустых катушек там не оказалось.

– Давай поищем, где ниток мало, и сматываем их на другую катушку, – придумала я.

Мы перерыли всю коробку, некоторые нитки раскатились по комнате, но подходящих катушек не было. Наконец, нашли один выюрок, где ниток было поменьше, и стали перематывать их на другую катушку, но это было не так-то просто, мы спешили – очень хотелось скорее увидеть мыльные пузыри – нитки все время путались.

– Да ну их, эти нитки, давай подуем прямо так, – сказал Пашка, выхватил у меня из рук катушку с нитками и сунул ее в тазик. – Катушка с размаху плюхнулась в мыльную воду.

– Ну, как ты теперь будешь в нее дуть? – спросила я и взяла другую катушку с нитками.

Я аккуратно сунула край катушки в воду и с силой подула в нее. Мыльная вода фыркнула и полетела брызгами в разные стороны. Лужа на полу еще чуть-чуть увеличилась, а мыльные пузыри все не получались. Зато Пашка обрадовался, видно ему показалось забавным брызгать водой через катушку. Он схватил еще один выюрок и тоже дунул им в воду, брызги полетели еще сильнее и на поверхности появилась наконец-то мыльная пена. Мы обрадовались, что осталось совсем немного, и пузыри полетят, сунули катушки в воду с двух сторон и дунули разом. Мыльная вода плеснулась прямо нам в глаза. Квартиру оглушил двойной рев.

Родители и гости вбежали к нам с испуганными лицами, но когда поняли, что мы живы и здоровы, стали хохотать и спрашивать, чего это мы тут делали.

– Это она меня заставила пузыри пускать, это она воду пролила, ой, глаза щиплет, – орал Пашка.

Я от такого неожиданного предательства перестала реветь и уставилась на Пашку. И хотя никто не обратил внимания на его ябедничество, я на Пашку обиделась.

Родители нас не ругали, только вытирали с наших физиономий пену да меняли нам мокрую одежду. Разбросанные повсюду катушки с перепутанными нитками и огромная лужа на полу повергли в шок только бабушку.

– Чего наделали. А я-то думаю, штой-то они бегают туда-сюда, мыло им зачем-то понадобилось. Да ничего, мол, пусть ребятишки поиграют. Давай гулять их отправьте, надоело им, видать, дома сидеть.

Пашку умыли первым и заставили одеваться. Он копошился в комнате, а мама уже почти собрала меня в прихожей. Только валенки мои красивые красные найти не может. Она ушла искать их куда-то в сени, и в это время из комнаты вышел Пашка, на его ногах красовались мои любимые валенки.

– Ха-ха-ха, – с издевательским смехом кривлялся Пашка, – я в твоих валеночках гулять пойду, а ты дома сиди.

– Отдавай мои валенки, – закричала я, подбежала к Пашке и стала хватать его за ноги, пытаюсь с тащить с них валенки. Пашка стал отпихиваться от меня, приговаривая:

– Сейчас пойду и промочу твои валеночки. Вот будут тебе мыльные пузыри.

Тогда я изо всех сил двумя руками дернула Пашку за валенок. Валенек соскочил, а мы разом полетели в разные стороны. Я больно ударилась об пол, но тут же вскочила, чтобы отобрать у Пашки второй валенок, и тут увидела на его голове кровь. Пашка еще ничего не понял, а я заревела так, что все прибежавшие бросились ко мне, как будто это не с ним, а со мной что-то случилось.

Оказывается Пашка тащил за собой на веревочке свою здоровую железную машину, об нее и ударился. Хорошо, что ранка оказалась неглубокой, просто царапина, но кровь мы увидели и оба ревели, как резаные. Я уже начала икать и ничего вокруг не видела от слез, а Пашка как-то разом прекратил орать. Я с любопытством посмотрела на него. Оказывается

моя мама-медсестра перевязывала ему голову и приговаривала не какое-нибудь « У кошки боли, у собачки боли...» Она говорила:

– Все пройдет и только маленький шрамик останется от царапины, зато ты будешь как герой, партизан с перевязанной головой.

Видно, эти слова про героя Пашке понравились. Он немножко прибодрился и, когда мы вышли на крыльцо, гордо держал свою перевязанную голову. Дома нам сказали:

– Держитесь за руки и не упадите с лестницы, а то совсем свои головы поломаете.

Мы вышли во двор, держась за руки, я в красных валенках, а Пашка с перевязанной головой, поверх которой была надета шапка. Бинт сползал на лоб, и Пашка действительно был похож на партизана, какими их показывали в фильмах про войну. Я подумала, что вообще-то он мужественно перенес свое ранение, почти не ревел, настоящий партизан. И я сказала:

– Пашка, ты, правда, как герой. Хочешь, я отдам тебе свои валенки?

Глава 5. КАК ПОКУПАЛИ БАРАНА

Что такое праздник? Это когда в дом приходят гости, собирается много людей, все сидят за столом, едят, пьют и веселятся. Если так, то в нашем доме праздник всегда, потому что у нас всегда много народу. Правда, гости бывают у нас не так часто, ведь вся наша родня живет под одной крышей, а это человек десять. Так что когда мы все садимся за один стол, возни и шума бывает много.

Стол у нас большой и длинный. В прихожей-кухне он занимает место почти от порога и до самой печки. Поэтому, если кто-то приходит в дом, когда мы обедаем, он сразу попадает за стол. По-моему, очень удобно. Вбегаешь со двора по лестнице, снимаешь в сенях одежду и слышишь, что на кухне жарят картошку. Открыл дверь и сразу видишь, что там стоит на столе, а иногда и перехватишь до обеда кусок хлеба с солью.

Чаще всего мама с бабушкой варят щи. Но я их не люблю. Больше всего не люблю потому, что есть их неудобно. Все взрослые едят из одной большой миски. Мне, когда я был маленьким, ставили свою тарелку, ведь я не мог дотянуться до общего блюда. Теперь я большой и ем вместе со взрослыми. Но я только считаюсь большим, а росту во мне совсем немного и до миски с супом я еле достаю. А надо его еще не разлить, пока несешь ко рту. Моя старшая сестра Галка ростом повыше и у нее это здорово получается. Сначала я несколько раз проливал щи на стол, за что получал от отца ложкой по лбу. Теперь я стараюсь есть аккуратно, но суп все равно не люблю.

То ли дело жареная картошка с луком. Пока она еще стоит в печке, запах такой, что звать к столу никого не надо, все и так крутятся рядом. Картошку мама жарит на огромной черной сковороде. Прямо из печки ее ставят посередине стола, а рядом блюда с солеными огурцами и квашеной капустой. Капусту отец щедро посыпает репчатым луком и поливает постным маслом. Точно так же он заправляет соленые грибы. Жареная картошка с солеными грибами – моя любимая еда.

Грибы мы собираем сами. Вокруг нашего городка за рекой и за полями – сплошной лес. Ближе к городу он красивый, светлый, с солнечными полянками в березовых перелесках, с дубами и рябинками, с сосенками, под которыми так приятно дышать хвойным духом. А есть леса дремучие, непролазные, с черными трясиными и бездонными болотами, где растут осины да огромные колючие елки. Когда отец рассказывает про такой лес, куда он ходит за грибами, мне становится страшно, я боюсь, не провалится ли он там в бездонное болото и всегда с облегчением встречаю его из леса.

Почти всегда отец приносит целый кузов да еще корзину грибов. Мы вываливаем их прямо на пол и начинаем перебирать. Те, что для соленья – грузди, рыжики и волнушки – опускаем в детское корыто с водой для замачивания. Белые и опята отчищаем от земли и откладываем, чтобы потом мариновать и сушить. Подберезовики, маслята, сыроежки жарим и парим. Варим густую грибовницу, которую едим с молоком или постным маслом.

Запах грибов стоит в доме долго, потому что на всех окнах и в дверных проемах висят нитки с нанизанными на них кусочками боровиков. Сушат и на протвнях в печке, но там грибы получаются не такие красивые, иногда чуть-чуть подгорелые. Когда грибы высыхают, мама складывает их в матерчатые мешочки, и они тек приятно шуршат и постукивают, если мешок потрясешь. А неповторимый запах сушеных белых грибов проникает даже через холстинку.

Отец уже не раз брал меня в лес. Мы ходим недалеко от города, но все же проходим за день километров десять. Я несколько не устаю, потому что двигаемся мы не спеша, делаем привалы, перекусываем вареными яйцами с хлебом, запивая еду кваском. Мне интересно лазить в густые заросли, куда большому отцу не пробраться. Там я почти всегда нахожу спря-

тавшие в траве грибы, а потом с криком бегу, чтобы их показать. Он придирчиво рассматривает каждый гриб и решает – брать его или нет.

На грибы мне везет – то я нахожу в низинке под елками целое семейство большущих красноголовиков, шляпка у каждого с ведерное доньшко. Пять грибов сразу заполняют мою корзину. То срезаю три сросшихся вместе красавца-боровика. То попадаю на полянку, желтую от рассыпанных повсюду лисичек, которые сначала кажутся мне опавшей осенней листвой.

Когда я приношу домой грибы, которые собрал сам, я любовно рассматриваю их еще раз, вспоминая, где и как отыскал каждый, бережно очищаю, сам режу для сушки и нанизываю на нитку. А потом проверяю, высохли или нет, и нюхаю терпкий, очень вкусный запах. Стоит ли говорить, с каким удовольствием потом я ем грибовницу из сушеных белых, которые сам собирал.

И все же грибы обычное блюдо на нашем столе, и запах грибовницы вовсе не означает, что в доме праздник, потому что праздник по-моему пахнет не грибами и не жареной картошкой, а мясом. Один из моих любимых праздников Покров. На дворе становится холодно, земля подмерзает, ложится первый снег, и к празднику мы обычно покупаем барана. Настоящего живого барана. Ведь баран – это и шерсть, и шкура, а главное мясо, которое теперь уже можно хранить в холодном чулане.

Покупка барана – дело не простое. Мы все ждем этот день и заранее к нему готовимся. Отец договаривается с соседскими мужиками, чтобы помогли разделать барана. Деньги за это не платят, а угощают соседей. Мать с бабушкой давно уже сварили самогон. Большая бутылка с узким горлом стоит в углу за печкой, укрытая мешковиной. Вечером она опустеет.

Стоит баран недешево. На эту покупку родители копят деньги целое лето. А накануне считают, сколько скопили, и какого барана можно купить на эти деньги.

- Петя, в том годе-то баран не больно хороший попался, – вспоминает бабушка.
- Все вам неладно. Каждый год им баран не нравится, – сердится отец.
- Да вспомни-ка, ледащий какой-то был, костей больно много, – не отстаёт бабушка.
- Сами идите и выбирайте, – ворчит отец.
- Наталья, не так что ли говорю? Сходила бы с ним на базар-то, – обращается бабушка к моей маме.
- Вот еще, не бабское дело по базарам барана торговать. Я вон Лешку с собой возьму.
- Нашел помощника. Чего тебе Лешка выберет там? – не унималась бабушка. А я, услышав такие разговоры, закричал:
- Выберу, выберу! Я знаю, какого барана надо. – Все засмеялись, а мама сказала:
- Ладно, пойдешь, пойдешь. Смотри только, чтобы баран не забодал. У него вон рога какие.
- Да вы там не по рогам выбирайте, а чтоб пожирнее был, пощупайте его хорошенько, – снова учит отца бабушка.
- У нас на жирного, небось, денег не хватит. Я узнавал – цены там не больно низкие нынче.

Отец собирается на базар, как на праздник: начищает сапоги, причесывает перед зеркалом бороду и усы. Деньги он пересчитал еще раз, завернул их в тряпочку и сунул в карман пиджака. Меня одевают потеплее, на улице холодно, а сколько мы проходим по базару, не известно.

Мы спустились с лестницы во двор и уже собирались выходить на улицу, как отца окликает сосед с первого этажа:

- Ну че, Петро, пошел уже? Когда подходить-то, часа через два?
- Да я Леху пошлю, он тебя кликнет.
- Ладно, я уж никуда не пойду сегодня, надо соседу помочь. А ты че, веревку-то не взял что ли? Как барана-то тащить будешь?

– Тыфу ты, ладно подсказал вовремя, ушли бы сейчас.

Отец побежал по ступенькам вверх, на ходу ругая мать и бабушку, что не подсказали вовремя про веревку.

– Ну вот, не в путь пошли, – ворчал отец, возвращаясь из дома с веревкой. – Главное, ведь я ее приготовил, в сенях положил. А никто не подскажет, только недовольство свое проявлять могут. Бабы и есть бабы.

До базара идти далеко, но мы идем напрямик, петляя между деревянными домами, потом выходим туда, где дома получше и повыше, и вот уже видно, куда спешат все люди – к большой площади с деревянными прилавками. Под ногами много конского навоза – из деревни приезжают торговать на лошадях. Мы с отцом пробираемся в ряды, где привязанные к деревянным жердинам стоят коровы, козы и бараны. Тут же повизгивают поросята, кричат гуси, подает голоса всякая другая живность.

В ряду с коровами я увидел маленького теленка. Он показался мне таким одиноким и жалким, что я сказал отцу:

– Пап, давай вместо барана купим лучше теленка. Посмотри, какой он хорошенький.

Я подошел к теленку и потрогал его приятный, влажный носик. Теленок посмотрел на меня грустными глазами и лизнул мою ладонь. Тут я совсем растрогался и взмолился:

– Пап, ну давай его купим.

Отец подошел поближе, посмотрел на теленка и спросил у продавца цену. Я вдохновился и сказал:

– Только мы его резать не будем. Мы его вырастим.

– Лешка, да ты чего? Я-то было подумал, может, правда, взять его вместо барана. А ты чего? Где мы его держать будем, у нас ни хлева, ни сена для него нет. И вообще, мать барана велела. Холодец-то ведь любишь?

Холодец у нас любят все. Когда покупали барана, мясо варили, жарили, тушили с картошкой – это очень вкусно. Но холодец... Его варили с чесноком и хреном несколько часов, потом разливали в большие поддоны и ставили в чулан. Холодец застывал и даже подмерзал. А когда его приносили в дом, подтаивал и становился студенистым и гладким. Его разрезали на маленькие кусочки, и мне очень нравилось накалывать кусочек на вилку и смотреть, как холодец слегка подрагивает, а потом ощущать, как во рту он немножко тает и прямо нежеванный проскальзывает в горло, приятно его охлаждая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.